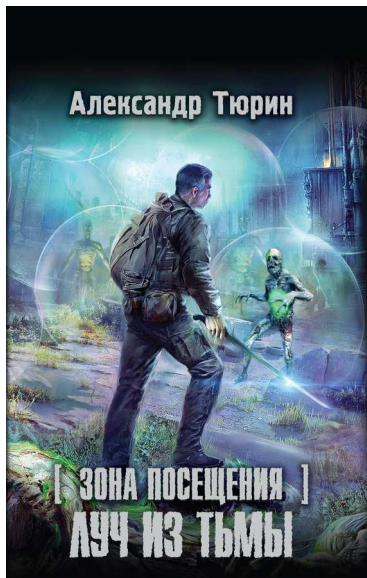

Александр Тюрин

[ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ]
ЛУЧ ИЗ ТЬМЫ

Александр Владимирович Тюрин
Зона Посещения. Луч из тьмы
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Радиант Пильмана», книга 9

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8011176
Зона Посещения. Луч из тьмы: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-086363-1

Аннотация

Хармонтская Зона Посещения. 2020-е годы.

Владелец корпорации «Монлабс» Дюмон обуреваем идеей создания новой жизни, каковой еще нет на Земле, и уверен, что Зона поможет ему превратиться в демиурга. Орудием Дюмона становится Лауниц – неудачливый режиссер, пациент психиатрической клиники и банкрот, которого мафия ставит на «счетчик». В его мозг имплантирована память пропавшего без вести в Зоне сталкера, которому, скорее всего, удалось найти самый загадочный артефакт – «смерть-лампу». Вместе с наемниками «Монлабс» и женой пропавшего сталкера Лауниц идет к «сердцу» Зоны по самому опасному маршруту. Тем временем иноматериальная жизнь начинает выходить из Зоны в город, трансформируя то, что может подчинить, и разрушая все остальное. И только Лауниц, человек, представляющий собой двойную загадку, способен остановить ее.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Владимирович Тюрин

Зона Посещения. Луч из тьмы

© А.В. Тюрин

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Из интервью, которое специальный корреспондент Хармонтского радио взял у доктора Валентина Пильмана по случаю присуждения последнему Нобелевской премии по физике за 19... год:

«– ...Вероятно, вашим первым серьезным открытием, доктор Пильман, следует считать так называемый радиант Пильмана?»

– Полагаю, что нет. Радиант Пильмана – это не первое, не серьезное и, собственно, не открытие. И не совсем мое.

– Вы, вероятно, шутите, доктор. Радиант Пильмана – понятие, известное всякому школьнику.

– Это меня не удивляет. Радиант Пильмана и был открыт впервые именно школьником. К сожалению, я не помню, как его звали. Посмотрите у Стетсона в его «Истории Посещения» – там все это подробно рассказано. Открыл радиант впервые школьник, опубликовал координаты впервые студент, а назвали радиант почему-то моим именем.

...

Радиант Пильмана – это совсем простая штука. Представьте себе, что вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть того, что вы называете моим первым серьезным открытием, заключается в простом факте: все шесть Зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто-то дал по Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля – Денеб. Денеб – это альфа созвездия Лебеда, а точка на небесном своде, из которой, так сказать, стреляли, и называется радиантом Пильмана».

*Аркадий и Борис Стругацкие,
«Пикник на обочине».*

Глава 1

Город и мир смотрят на Зону

Сэр Роджер Дюмон. Олимпиец

Будучи, мягко говоря, состоятельным человеком (из числа тех тринадцати людей, кто очень многим владеет и почти все решает на этом свете), Роджер Дюмон, тем не менее, имел некоторые слабости. Например, он любил игровые нейрокартриджи. Да к тому же совсем левые, из периодически разоряемого полицией гнездовья нелегальных производителей на Мэй-корт.

Вряд ли они претендовали на нечто большее, чем сварганить контрафактного «Демидурга» и чуть-чуть заработать на пожрать и оттянуться, но пользователя этих картриджей ожидал полный улёт – если, конечно, воспользоваться киберпространственным расширением. Поначалу он будто засыпал в душной кладовке. Потом прорастал сквозь мглу, словно безразмерная невидимая грибница, которая могла проникать в любую плоть и расщеплять любой материал. Весь мир становился пронизываемым, доступным, сексуальным...

В общем, то ли у парней с Мэй-корт просто не ладилось с цветоделением и пикселизацией, то ли эти представители народностей ашанти и тутси имели свой взгляд на природу вещей.

Улёт завершился тем, что сэр Роджер, словно обычный прыщавый пацан, приходил в себя от холода и голода, потому что эта штука перенапрягала мозги и добиралась до энергетических депо, поедая даже жирок на животе. И тогда он звал Яманаку, который переодевал хозяина и начинал кормить изделиями своей молекулярной кухни, где даже кровь по вкусу и виду напоминала изысканное вино из подвалов замка Шато-Лафит.

Сэр Роджер Дюмон, председатель правления и владелец контрольного пакета акций корпораций «Монсанто» и «Монлабс» (бывшей «Дюпон де Немур»), совладелец ряда банков Федеральной и Тихоокеанской резервных систем, последний год любил проводить время в своей резиденции в Блю-Маунтайнс к северу от Хармонта. Резиденция охватывала поликарбонным поясом мощную гранитную скалу и картинно нависала над пропастью в триста метров.

И чего только не позволяют создать современные материалы, созданные механохимическими манипуляциями с молекулами и кристаллическими решетками! Кровать, размером напоминающая лужайку, словно парила над пропастью, чему весьма способствовал пол из кристаллического металлоглаза – тот становился прозрачным, едва встанешь на него. В пропасть, вернее в нижележащую долину, заросшую серебристой пихтой, мог спуститься прозрачный лифт на невидимых наноглеродных тросах.

Такой же лифт Дюмон хотел провести на орбиту, в свою геостационарную резиденцию, но пока еще не удалось получить соответствующего решения профильного комитета ООН. Летать туда на орбитальном самолете он не собирался – не в его привычках было полагаться на Бога – существовала вероятность не добраться из-за какой-нибудь дурацкой случайности, вроде срыва теплоизоляционной плитки. А дурацкие случайности он не любил. Так что всем своим земным резиденциям, даже дому-геодезику, плавающему в лагуне на одном из полинезийских островов, сэр Роджер предпочитал хармонтское «Гнездо птеродактиля».

Может, еще и потому, что Зона отсюда представляла как на ладони: она проходила от южного склона гор широким клином через смешанные леса, которыми поросли предгорья, вклинивалась через северную окраину в Хармонт. И, все более сужаясь, завершалась в прежнем центре города. Сверху Зона иногда напоминала руину погибшей цивилизации или

постапокалиптический мирок, где изрядно позабавились зомби, а может быть, поверхность чужой планеты, затянутую облачной пеленой. В этой пелене шли циркуляции, регулярные и спонтанные, иногда вихри вздымались вверх, но не больше, чем на километр от поверхности. Периодически образующаяся толстая облачность была насыщена аммиачными молекулами, стабилизированными неизвестным полем. Она не только поглощала солнечные лучи – из-за нее не проходили радиоволны и выпадал дождь со следами аммиака.

А порой Зона казалась сэру Роджеру Дюмону разрастанием плесени или рваной раной, наполненной личинками. Да, личинками, которые превращают бывшую человеческую среду обитания в подходящий для себя субстрат. «Не правда ли, города похожи на жуков? – думалось Дюмону. – Этот жук явно заражен какой-то дрянью и все хуже передвигает ножки». Хармонту сильно не повезло в борьбе городов-жуков за выживание.

Сэр Роджер унаследовал от предков способность грезить наяву. И в этих грезах Зона из гнездилища инопланетных ужасов превращалась в милую курочку, несущую золотые яйца.

Идея универсального семени давно сидела в сознании владельца «Монсанто» и «Монлабс». И была связана с профилем этих корпораций.

«Монсанто» производила семена, которые использовала основная масса всех сельскохозяйственных производителей на свете – от держателей стоярусных оранжерей в Китайском море до последнего голопопного крестьянина на Папуа. Семена «Монсанто» давали лишь один урожай и выросшие из них растения были стерильны. За семенами для следующего урожая даже самый распоследний и голопопый должен был снова обращаться к ближайшему дилеру корпорации. Чтобы добиться «семенной» власти, «Монсанто» провела огромную работу по всему земному шару: продавливала хитрые законы, подкупала политиков и медийщиков, легко давала кредиты, насылала на непокорных земледельцев дроны «международных сил» и наемников из ЧВК¹. Те могли с помощью мимических масок из нанопланта беспроблемно прикинуться местными бандитами – парнями с мачете, которым ничего не стоит отчикать голову.

«Монлабс» создавала сперматозоиды и яйцеклетки с модифицированным или искусственным геномом, от которых происходили кошки со светящейся шерстью, прозрачные хомяки, куры без ног и крыльев, живое филе. И все это было стерильно, для приобретения следующего поколения прибыльной живности опять-таки надлежало обратиться к дилерам корпорации. На своих клеточных плантациях «Монлабс» производила плюрипотентные клетки, из которых можно было вырастить все что угодно: от элегантных рожек на лбу до дополнительных гениталий (что, между прочим, пользовалось бешеным спросом у людей, продающих секс-услуги). Еще одним направлением бизнеса были эмбриональные «завязи» органов, которые вырастали прямо в упаковке внутри человека-фабрики, где-нибудь в Молдавии или Бангладеш, для последующей продажи на рынке трансплантатов.

Сэру Роджеру Дюмону было за восемьдесят, и своим телом он замечательно демонстрировал успехи своей корпорации. Его сердце, прямая кишка и мочевого пузыря были выращены из «завязей» на донорских живых фабриках и затем трансплантированы. (Но он помнил то время, когда его моча выходила через катетер в пакет, прилепленный к его ноге.) Предотвращая апоптоз клеток, десант медботов регулярно проводил теломеризацию его генетического вещества в самой дорогой на свете клинике «Исида». Физиологически он был, можно сказать, молод, но психологически дряхл. Дюмон не любил общаться с людьми вживую, будто устал от этого за тысячу лет. Генеалогия его уходила в темное Средневековье, где хищные франки, смешавшись с жадными норманнами, плыли к богатствам Иерусалима и Константинополя.

¹ Частные военные компании.

Несмотря на нелюдимость, глобально действующие программы давали Роджеру Дюмону доступ к распределенным «облачным» системам наблюдения – сэр Роджер имел возможность слышать, видеть и осязать почти все на свете, «подключиться» практически к любому человеку на свете, о чем тот и не подозревал. Ведь практически любой мог незаметно для себя вдохнуть рой микроустройств, которые ассемблировались в его теле, например, в скрытый коннектор. Сэр Роджер чувствовал, как булькают пузырьки воздуха в кишечнике у голодного ткача в Бомбее, как бурлит кровь у мачо в Мехико, когда он пялится на жену соседа, моющую лестницу, как зависть сдавливает горло при виде шикарного особняка у галичанского полотера в Швейцарии.

Множество источников жизни и смерти сходилось в виртуальных конечностях Роджера Дюмона, как у синеликого Шивы. Конечностей было множество; нейроинтерфейсы, встроенные в синаптические связи его нейронов, превращали мысли в действия машин и людей, а действия машин и людей в его ощущения.

Дюмон и его корпорации проникали в мир все глубже, как грибковая плесень в старую буханку хлеба.

Любой регион планеты, любая точка на карте могла получить право на производство живой материи только от него. Мановением своей виртуальной руки сэр Роджер давал людям и животным семена, споры, сперму, яйцеклетки, ростки, эмбрионы, стволовые клетки, побеги, органы – всё, что идет в пищу, возвращает здоровье и продолжает род.

И одним движением виртуальной руки сэр Роджер мог убивать, оставаясь неузнанным. Например, изменить содержание химикатов в любых продуктах питания или внести вирус в органы, клонируемые на живых фабриках. Мог вызывать у женщин целой страны бесплодие или наркотическую зависимость у тинейджеров какого-нибудь государства, разжечь похоть в отношении любого бесполезного или мутагенного товара.

Но то, что делал сэр Роджер с помощью «Монсанто» и «Монлабс», было лишь использованием, дополнением или ограничением земной природы. А он хотел творить природу новую. И Зона представляла такую природу, пока еще необузданную и не приносящую деньги.

Подкрепившись произведениями молекулярной кухни Яманаки, сэр Роджер с помощью киберпространственного расширения воспарил над Зоной, которая сегодня как никогда напоминала цветок, способный дать замечательный плод при надлежащем старании. А потом внезапно вошел в боди-коннектор одного из своих сотрудников. Зигмунта Берковски, шефа отдела прорывных исследований, сэр Роджер «застукал», когда тот использовал нестандартные игрушки в общении с сотрудницей прямо в рабочее время. Голос босса вдруг материализовался при помощи нейроинтерфейса в слуховом центре подчиненного, немного напоминая при этом громовой голос олимпийского бога. Однако босс совсем не собирался укорять своего талантливого подчиненного за небольшие шалости.

– Зиг, дружище, подготовьте мне человека, который способен будет пощупать Зону на предмет золотых яиц, очень такого резкого человека, который разозлит ее, и она покажет, на что способна.

«Кабуки». Приют неудачника

А ведь кто-то действительно бродит по коридору.

Ночью он уже выбегал искать. Но проснулся от чего-то другого, хотя сон был приятный. Во сне у него есть собака, толстая, тупая, верная псина, с которой он идет гулять на пустырь, она кладет ему вислогубую морду на руку и смотрит в глаза преданным-преданным взглядом; совсем не тем, что источают зыркала у агентов кино– и симстудий, которые обманывают и обирают бедных пьяных неудачливых авторов... Проснулся, поднял кровать,

чтобы можно было открыть дверь, вышел в коридор, подмазанный блеклым светом люминисцентных панелей, ничего не нашел, а вернулся с замерзшими ногами и в холодном поту. Так что надо как молитву повторять: «Я здесь один. Совсем один».

Для автоматического отеля японского типа здесь слишком много звуков, хотя он единственный постоялец. Вообще, гостиница «Кабуки» – идеальное место, чтобы окончательно свихнуться и побежать с голым задом и трусами на голове через прилегающий пустырь.

Комната в девять квадратных метров, или сколько там в футах... Он так и не привык к англосаксонской системе. Хотя лет пятнадцать как перебрался в Новый свет из уютного дедовского Висмара. Да, здесь ты можешь делать все что хочешь, тебе ж открыты «неограниченные возможности», но будешь делать только одно – барахтаться, чтобы остаться на поверхности. Орхидея окончательно придает этому кибер-раю адский вид, может потому, что это аэропоника: корешок и цветочек висят в воздухе.

Кроме нее и него, здесь нет других живых существ: никто не кричит, не чихает, не пускает ветры. Впрочем, техносфера подвержена тем же болезням, что и мы. Страдает от коррозии металл, как писатель 19 столетия от чахотки. У стальных изделий со стажем наверняка остеопороз. Сифилис у пластмассы, так же как у Бодлера и Мопассана. Альцгеймер у нанопластика, как у многих президентов одной могущественной державы. Парша у бумаги. Снижение иммунитета у штукатурки – заросла плесенью. Сумасшествие у плеера, играет по две ноты из каждой песни. Назревает самоубийство у компа, заросшего вирусами. Видимо, «Цинь Ши Хуанди», производитель начинки для 99 % всех компьютеров на свете, хочет, чтобы вы купили что-нибудь более модное. Скрип – это кашель, скрежет – это чих, вибрация – это стон, биение – крик.

– Господин Лауниц, а не пора ли подкрепиться? – с фальшивой бодростью спросила стена с обоями-экраном, по ней побежала реклама пиццы.

Окна нет, только стена, а за ней город, в котором не захочется погулять даже с любимой. Позовите банкиров, чтобы смазали все деньгами, да только им неинтересно в загнивающим неудачливом Хармонте. Над полутрупом закрылись рыночные небеса, на Центральном проспекте, где раньше торговали всякой бесполезной всячиной (от зеленых человечков из квазиживого пластика до дорогущих галстуков и золотых запонок для «успешных людей»), теперь апокалиптически свищет ветер. И посреди города лопнувших надежд осталась черная дыра, которая все еще сосет его соки. Зона.

– Я ненавижу пиццу, пора тебе угаснуть, в прямом смысле этого слова... В самом деле, заткнись, не то швырну в тебя соусом.

Он совсем перестал чувствовать вкус пищи здесь – один плюс, что похудел. Живот спрятался, плечи, правда, тоже опустились. Отчаянно хочется курить, вот в записке две сигарилью, но за электрозажигалкой надо переться незнамо куда, через гниющий, плесневевший, пустеющий Хармонт. Вымирающая деревня уступает место лесу, это еще куда ни шло, а вымирающий город – автосвалкам, пустырям и барахолкам... А от газовой зажигалки тут немедленно начинает ругаться система безопасности.

– Тогда, господин Лауниц, может быть...

– Нет, не может. Ничего не может быть, особенно с такой стеной.

– Судя по маркерам сетчатки вашего глаза, у вас немного повышенная температура. Могу порекомендовать аспирин, цена упаковки всего десять долларов, доставка в течение получаса. Или предложить вам расслабляющий контакт с Сюрреал Долли (Тм), она лежит в шкафчике, который в вашей ванной комнате, надувается от одного прикосновения в область лобка; после заполнения воздухом на треть не забудьте залить в нее пять литров теплой воды. В случае использования подарочного купона вода будет предоставлена бесплатно.

– Я сейчас налью на тебя три литра теплой мочи, и заткнешься надолго. Не смей пускать мне свои лазерные лучики в глаза.

Тоже мне, нашла ванную комнату. Узкий гроб, где ржавое ситечко душа висит прямо над изрядно порыжевшим унитазом. Подача воды в душе оптимизирована до разреженности водяного пара, да еще ослабевает каждую минуту, чтобы человек не затягивал процесс. Не удивлюсь, что оттуда льется по замкнутому циклу моча, обесцвеченная какой-нибудь кислотой. И унитаз рыночно оптимизирован, от одного до второго спуска воды должно пройти не менее часа.

Он швырнул в стену почти опустевшую бутылку «Сантори». Не разбилась, а казалась стеклянной, да и сам вискарь – ничего; но всё-то у япошек с подвохом. И стене хоть бы хны – она крепче и стареет медленнее, чем он. Обидно для венца творения. Упавшая бутылка пополнила слой мусора на полу – одноразовые стаканчики, грязные шмотки, банки из-под пива, листы несминаемой пластиковой бумаги. Он не пускает робоуборщика, когда тот совершает свой объезд – хрен знает, куда отправится видеозапись, сделанная его видеокамерами, похожими на выпученные крабьи глазки.

Как он ждал, когда помрет дед, чтобы продать дом в Висмаре и начать свой собственный проект. И какими мелкими клетушками казались после дедовского дома все съемные квартиры, когда то и дело втыкаешься носом в стену, и даже не открыть окно, иначе накроется кондиционер. Поэтому ты обречен нюхать запах китайского линолеума и гниющих отходов из бачка. Однако и те съемные кубики выглядят дворцами по сравнению с хармонтским склепом без окон, в котором он теперь доживает век. Или назовем его жизнеутверждающе – шкаф... Всего лишь неделя съемок – и дедовские деньги кончились, не успев начаться. Потом появился Хаким Пачоли. И, так сказать, оказал содействие. Сколько он теперь должен этому липкому левантийцу с глазами-маслинами? Неохота считать. Влом даже подсчитать, сколько он уже сидит здесь, как моль в шкафу. А ведь пора на что-то решаться.

Внезапно зазвонил телефон. Нет, не его мобильный, а стационарный, замаскированный под пепельницу. Голос звонившего напоминал о скрипе дверных петель.

– Эй, пруссачок, про долг не забыл? Каждый божий день он увеличивается на два процента. Два процента – это не так мало, как тебе кажется. Поторопись, не жмоться, или у тебя в башке одна протухшая капуста? Знаешь, каковы человеческие яйца на вкус? Если будешь таким же тупым, как и раньше, то скоро узнаешь. Кстати, это будут твои хилые яички, размером с перепелиные.

И гудки. Вот зараза. Все-таки его вычислили. Он как раз про Пачоли вспомнил, словно почувствовал подбирающиеся неприятности.

Может, бросить все и вернуться в Висмар?.. К своему наследственному позору... Нахлынувшие после объединения «весси» выставили его отца, оберста, из армии, предложили «переучиться» на повара. Потомственного прусского вояку – на повара! Поварской колпак не шел ему, так что в основном он сидел без работы, хлебал пиво вместе с простыми парнями, которых вышвырнули с верфи, радикально сокращенной после того же объединения – она ж делала пароходы для Советов. Однако папаша сумел все завершить достойно. Даже красиво – бросился на меч, а ля Ганнибал. Правда, меч был ножом для разделки рыбы.

И дед держался достойно. Между прочим, не пил, только ходил по дому, скрипя половицами. Туда-сюда, вверх-вниз. Звук был почти такой же, как в этом долбаном отеле. Хотя здесь, конечно, нет никаких половиц. Дед вообще-то был супер – он такое еще помнил... Рассказывал, что в 1938 году ряд высокопоставленных прусских офицеров составил заговор, захотели скинуть австрияка – на венской истеричке тогда еще не было ореола побед. Вышли на контакт с англичанами, а те – извините, нет. И Ади, и Бенито им были нужны, чтобы сокрушить колосса на востоке. Австрияк заставил деда воевать с русскими, вместо того чтобы отнимать Индию и Африку у англосаксов. Дед просидел у русских в плену шесть лет, выучился их языку. С добром, кстати, вспоминал, там его даже подкармливали местные

бабы – и конвой на это сквозь пальцы смотрел. Так что все Лауницы по-русски неплохо «балакают», наследственно...

Вот дерьмо, явно шум шагов в коридоре, да еще приближается к его дверям... Лауниц почувствовал, как заколотилось сердце. А если не кажется? Может, те, кто давил на мозги по телефону, сейчас здесь? Или это полтергейсты лезут с синими мордами и провалившись носами... Из оружия в комнате только пустые пластиковые бутылки, тогда что, отплевываться от супостата?.. Но вроде затихло.

А если ты просто тихо шизеешь и сходишь с катушек, Александр Лауниц? Сколько ты уже здесь маринуешься? Посчитай, наконец. И считать неохота, ведь все дни похожи на один. Или, может, это один и тот же день? И каждый божий день очередная попытка сделать шедевр разбивается вдребезги о страх, как бригантина о скалы. Страх, что облажаешься снова... Каждый день осточертевшая пицца, которую, похоже, задницей пекут. Каждый день, вернее каждую ночь, – бутылка вискаря. Каждую ночь... сеанс мастурбации с нейроинтерфейсом, воткнутым в разъем за ухом, и грубый тяжелый сон, будто в бетон закатали. И беспокойство не уходит даже во сне, будит его по нескольку раз за ночь. Еще какие-то секунды после пробуждения пытаешься вспомнить во тьме – где это я, зачем, кто я, на хрена я? А потом опять наваливается тоска, тяжелая как туша зарезанного борова – «всё, приплыл».

Кто-то топчется около двери? А если посчитать это за позитив? Хоть какое-то разнообразие.

Поймал с пола бутылку и втянул несколько последних капель «Сантори». В натуре, переминается кто-то за дверью с ноги на ногу.

Сейчас как возьму вазу, в ванной собью дно, получится то, что называется у русских «розочкой». С немецкой основательностью обмотаем платок вокруг горлышка. Будто даже кураж почувствовался. В атаку марш...

Лауниц вылетел из номера, будто пробка из бутылки шампанского. Показалось, что в коридоре мелькнула какая-то фигура, стал догонять и... свалился на лестнице, которая здесь напоминает трап на корабле. Хорошо, хоть не наехал пузом на собственную «розочку».

Вот незадача, опять он лузер, тупой и пугливый, это как диагноз. После удара о ступеньку голову затянуло тяжелой болью, из нутра поднялась дурнота.

Лауниц нехотя оторвался от пола, машинально пошел вниз, зажимая рассеченную кожу ладонью, хотя понимал, что никого уже не догонит; может, просто захотелось на воздух. Прошел мимо стойки робохраника, протянувшего, словно руки, сканер электромагнитного поля и детектор газоанализатора – да отвали ты. Открыл наружную дверь.

От здания гостиницы, напоминающего елочную игрушку из мятой фольги, на запад тянулся пустырь. Бурьян, разбитый им асфальт, ржавые остовы машин – когда-то здесь была помесь автосвалки с авторынком, торговали не столько подержанными автомобилями, сколько запчастями оптом и в розницу. Но и она вымерла. Осталась только потрепанная вывеска «Продается...» Что – пустырь, ржавчина? А за экс-автосвалкой, где-то через километр, граница Зоны. Над ней какое-то марево, как при жаре – мол, не пьйся. И запах чувствуется – в самом деле, от нее исходит пряно-сладковатый запах. От дерьма пахнет цветочками. Инопланетяне были ребята с юмором: прилетели, присели, приспустили штаны, облегчились, вытерли, прыснули дезодорантом и давай дальше. Пусть теперь туземцы размышляют, что бы это значило, благоговейно суют пальцы в это «гэ», тщательно обнюхивают и облизывают.

Лучи заходящего солнца золотят сторожевую вышку, на которой сейчас никто не стоит. На границе Зоны, конечно, осталась кое-какая классика: контрольная полоса, трехрядная колючка, она же спираль Бруно, но главную роль теперь играет автоматика и телемеханика. Если проехать вдоль этой границы к югу, там есть КПП, оформленный маленькой линией Мажино в виде лепестковой стены – метров на двести, на более длинную денег не выделили.

С северной и восточной сторон есть еще пара КПП, но без стены. Ну и пяток блокпостов там и сям, где по старинке кто-то сидит, но, в основном, только похрапывает... За колючкой как будто то же, что и перед ней. Поле ломаного асфальта, сквозь него пробивается какая-то дрянь, похожая на лобковую волосню, кое-где ржавые остовы машин – это вообще антиквариат, шестидесятые годы. Кажется или нет, но как будто видны легкие голубоватые посверки в кабинах мертвых авто. «Ведьмин студень», что ли? Ах, блин, как он раньше не замечал – неужели это розовый «кадиллак» 1962 года, огромный как линкор, с ракетными молдингами, в идеальном виде словно музейный экспонат – на память о том, как русские сделали амеров в космосе. А рядом настоящий «Роллс-Ройс Серебряное облако», только не серебристый уже, позеленевший, будто лишайником покрыт.

Вдоль границы зоны, где-то на высоте метров сто, промелькнуло что-то напоминающее падшего ангела в разорванном на задку плаще. Наверное, дрон, выполненный по схеме «утка» с толкающим винтом – такие лучше выдерживают типичный для Зоны вертикальный гравитационный выброс, из-за которого летающая машина переходит на критический угол атаки. Кстати, Зона впервые показала, что с ней шутки плохи, когда звено «старфайтеров» в полном составе свалилось над ней в штопор.

Читал Лауниц на каком-то левом серваке, что официальная граница Зоны не совпадает с истинным периметром – он колеблющийся, пульсирующий. От прежней стены, когда-то стоявшей на границе, практически и следов не осталось, словно не тридцать лет прошло, а тридцать тысяч. Но периметр облеплен датчиками и сенсорами, фиксирующими изменения поля, сейсмические и звуковые колебания. Вдоль него ползают самодвижущиеся и прыгающие мины «кузнечики», связанные, по слухам, стайным интеллектом – они реагируют на контур объекта. Есть несколько рободотов; если датчики дадут сигнал обнаружения цели, из шахты вылезет а ля краб крупнокалиберный пулемет с вычислителем целей и стегнет свинцом по брюху. При необходимости появляются ударные дроны или F-35 с натовской базы милях в двухстах к югу. Вжарят с безопасного расстояния, мало не покажется. Так что все вольные старатели постепенно сдулись – кто из них не двинул кони, тот где-то срок тянет и не скоро нас посетит.

Лауниц неожиданно почувствовал приступ зависти к Зоне, вернее к тем, кто ходил в нее. К тем, кто реально дергал ее за сиськи, а не дрочил на нее, засунув в разъем за ухом цилиндрик глюкера² с начинкой из цифровых приключений.

Нынешние сталкеры – это давно не герои старшей и младшей «Эдды», а скромные служащие, которые ходят на цырлах перед «Монсанто» и кормятся у нее с руки.

А те прежние реальные сталкеры играли с красоткой по имени смерть, и если добивались своего, то выигрывали не только жизнь и хабар, но и битву за достоинство и честь. И тогда можно было радоваться и вкусу хлеба, и градусу водки, и шелковистой коже подруги, не берущей с героя ни гроша...

Лауниц перешел через улицу и пнул стальной замызганный ящик, который когда-то продавал сигареты.

Неожиданно на нем зажглась лампочка, открылась панель с экранчиком и послышался приятный, и как будто даже немного пропитой голос робопродавца:

– А тебе есть уже шестнадцать?

Это был хороший знак.

Практика доктора Альтравиты

Закурил. Кажется, дрожь стала меньше и голове легче. Набрал телефонный номер.

² Нейроинтерфейс для переноса в мозг наркотических психокодов, использующий разъем в черепе.

– Здравствуйте, вы позвонили в практику доктора Альтравита...

Роботесса со звенящим от своего небиеологического счастья голоском. В этом городе только автоматы и кучи мусора... Не город вернул себе Зону, а помойка вышла из Зоны и распространилась на весь город.

– Через неделю, пятнадцатого, в шесть вечера, вам так удобно, господин Лауниц?

– Да мне все удобно, киска. Только ждать долго. Кстати, у тебя какой размер?

Не реагирует, значит точно железяка.

– И не забудьте захватить с собой страховое свидетельство и идентификационный документ.

– Забудешь у вас.

Платить придется наличными, долларов двести не меньше. Да пусть подавятся... Лишь через неделю. Он с удовольствием двинул бы прямо сейчас куда-нибудь. Но в этом долбаном городе некуда пойти. Несколько оставшихся за пределами Зоны цехов металлургического завода с грехом пополам превратили в музей, развесив там мазню орангутанов под грифом современного искусства. Сейчас там ноль целых хрен десятых посетителей. Такой музей оказался слишком «силен» даже для страны, где на Мону Лизу обратили б меньше внимания, чем на тарелку с сосисками. Есть еще несколько баров, где сидят местные, сильно облажавшиеся граждане и вспоминают, как было раньше, когда город был запружен туристками в мини, которые мечтали потрахаться с крутым мужиком, ходящим в Зону. Это да, во время туристского бума хармонтцы стали наглыми и раскормленными; закрылись даже предприятия, которые еще оставались за пределами Зоны; зачем вкалывать, если можно корчить из себя отвязного парня – супер-пупер-сталкера...

Неожиданно снова затрещал телефон. Что, снова албанцы? Неужели они и мобильный вычислили? Нет, это... Опять роботесса.

– Господин Лауниц, вам звонят из практики доктора Альтравиты. У нас один пациент отказался от визита. Мы можем предложить вам побывать на приеме сегодня.

– Да, да, я согласен, приеду, поцелую непременно в ротик.

– Извините, господин Лауниц, не совсем понимаю, а «поцелую непременно в ротик» к делу относится?

– Конечно, нет, только к развлечению.

Наверное, он все-таки уже извращенец, ему нравится общаться с железяками. Так, наведем лоск, бреющий крем на лицо, шампунь-порошок на голову... Город-то небольшой, а фиг куда-либо доберешься. Мэрия, вернее ее жалкие останки, поддерживает пару-тройку автобусных маршрутов до даунтауна. Но Лауницу не туда. И ни одна тварь, сидящая в проезжающих мимо внедорожниках, не останавливается. Теперь, если иногородний проезжает через Хармонт, то даже не тормозит; разве что поссать приспичит. Инопланетян, что ли, боятся, или, может, заразы.

Непонятно, как насчет заразы, но инопланетян точно не существует. Если бы они существовали, то наверное вернулись бы, чтобы прибрать свое барахло или чтоб окончательно прикрепить Землю, как англосаксы прикрепили когда-то аборигенов всяких.

В итоге Лауница подбросил какой-то дальнобойщик-мекс, еще не просекший ситуацию. Если бы латино не выводил по дороге свое гнусавое «весаме мучо», то можно было бы сказать, что хорошо добрался.

Клиника снаружи выглядела прилично, справа от нее заброшенный элеватор, слева – франшиза «Синтетик Лав». В витрине – чудесные секс-машинки, призывно надувают губки, милые куколки из качественного коллагена и силикона, те самые, которые могут все, от бесед на тему половых свобод и ущемления гейских прав до *этого самого*. Двадцать заранее запрограммированных поз и еще можешь лично запрограммировать столько техносексуального разнообразия, сколько сумеешь. Лауниц на минутку задумался, почему он еще не завел

себе такую подружку, «долли», «пусси» или какую еще киску. Жизнь в Новом свете рациональна: если тебе не дают «девушки» младше 60 лет, то зачем тебе снижать качество жизни и ломать самый важный орган в занозистой старушатине? Надуй же искусственную красотку, налей в нее воды и пользуйся. Да, у нее внутри коллаген и силикон. Но у натуральной дамы внутри тот же коллаген, а еще полипептиды, сахараиды и жиры – при отдельном рассмотрении эти продукты тоже выглядят не слишком привлекательно, если не сказать мерзко... Лауниц поспешил зайти в дверь.

Там, конечно, минимум персонала и максимум роботизации. Робохраник в пластмассовой фуражке – она да глазки многоканальных видеокамер придают ему вид терминатора. А щупальцы-зонды обозначают сходство с головоногим моллюском. Когда они с каким-то шуршанием и шипением проносятся около твоей шеи, то появляется очень неприятное ощущение. У робохранника есть еще три длинных носа, которые вынюхивают биополимерную взрывчатку в заизолированных полостях твоего тела, норвят чуть ли не в задницу залезть. Либо псих сегодня опасный пошел, либо врачи тоже записывали.

Помимо Лауница, сегодня в приемной имелось еще двое. Какой-то типовой местный жирдяй, они тут поголовно набирают центнер к совершеннолетию за счет безостановочного пожираения чипсов и хот-догов с овкуснителями. А потом у них начинается депрессия, оттого что надо переходить на диету... И еще дамочка не совсем местного формата, аккуратненькая.

От нечего делать попробуем ее просканировать. Да, не шибко разглядишь из-за этого долбаного дерева с искусственным геномом и квазиживыми птичками на пестрых ветках; только видно, что туфли и чулки у нее старомодные. Кто сейчас носит чулки, кроме пенсионеров? Сейчас носят «вторую кожу», гладкую и глянцевою, как у мультяшных девок из «анимэ», выращенную в Шанхае на искусственных полисахаридах и трупном коллагене. Однако ж ножули у этой мадам все равно ладные, точеные. Так что простим.

Позвякивание буддийских колокольчиков означало, что Лауница вызвали к врачу. У него шевельнулось недовольство – попозже бы, тогда б успел эту дамочку закадрить. Первый раз за два года. Мог бы. Чтобы снова себя уважать...

Доктор Альтравита оказался вроде как латино, на стене куча всяких дипломов в рамках, которые доказывают, что он сертифицированный, опытный, лауреат, отсосал у самого Гиппократы. Короче, присутствуют типичные фишки иммигранта.

Невысокий крепыш с лысинкой, обрамленной барочными завитушками слипшихся волос, с волосами под носом, напоминающими усы, и острыми-преострыми глазками завистника (буравчики он, что ли, туда вставляет?) начал с того, что прокашлялся. Казалось, что он сейчас запоет.

– Если бы ваши проблемы, господин Лауниц, надо было назвать одним словом, то какое бы это было слово?

Вот так задал вопрос. Если одним словом, то это – Хармонт.

Хармонт – плачевный итог 15-летнего жития в Новом свете некогда молодого и талантливого человека – по крайней мере, таковым он себя когда-то считал. И в отношении молодости был совершенно прав. Алекс Лауниц спрятался в Хармонте и «Кабуки», чтобы ничего не напоминало о его провалах, о потерянных годах. О том, как свистнули его лучший сценарий, по которому сняли один из наиболее успешных комедийных фильмов позапрошлого сезона – «Человек, который не спускал воду». По счастью, он не читает хвалебные рецензии на него. В отеле кладбищенского типа есть только один вход в сеть, причем за отдельную плату, так что можно абстрагироваться и не быть гостем на собственных похоронах. Но как после такого решиться на новую работу? И что виновато? Аура неудачника или грех предка – может, прапрадедушка изнасиловал овцу, и она прокляла его род навеки? Или же просто любому продюсеру видно, что он слюнтяй, которого приятно обобрать?

– Доктор, если назвать одним словом, то, наверное, это страх... И от него не избавиться с помощью дешевых трюков из кинофильмов. Типа «поверь в себя», «будь какой ты есть». Мне не во что верить. Мне не на что опереться в моем прошлом – я проигрывал всегда.

Доктор подошел к окну, посмотрел на эстакаду, на которой когда-то сыпалось зерно из бункеров в вагоны, и сказал как будто не без удовольствия:

– Подумывали о самоубийстве?

– Нет... То есть... Если точнее, я иногда думал о том, как достойно и, можно сказать, красиво, ушел из жизни мой отец.

Альтравита поспешно уселся за стол и довольно ударил по нему ладошками-котлетками.

– Это, друг мой, первый шаг... Первый шаг по этой лестнице, ведущей вниз. Которая заканчивается сами знаете где. На столе в морге, – улыбка развела в стороны его красные тугие щеки. – Но хорошо, просто замечательно, что вы искренни со мной.

Доктор не нравился Лауницу. Вся эта мишура на стенах показывает, что будет жопу рвать, чтобы сделать карьеру или хотя бы не потерять практику. Хотя его можно понять: чтобы выживать и выживать неплохо в такой дыре, как Хармонт, надо пользоваться любой возможностью заработать. Сейчас Альтравита, похоже, готов предложить пациенту патентованное средство от фобий и депрессий из сушеных яичек таракана.

– Вы, конечно, слышали о серотонине, но повышать его уровень искусственно – это дешевая уловка. Ваше заболевание не лечится, господин Лауниц, – уверенно сказал доктор. – Так же как не лечится неудачная жизнь. Если не считать лечением то радикальное средство, к которому прибег ваш отец. Офицер прусской школы, если я не ошибаюсь.

Лекарь умеет не только портить настроение, но и неплохо подготовился к встрече, собрав кое-какую информацию, и это еще больше увеличивает желание расстаться с ними поскорее.

– Такое впечатление, что вы не хотите выписать мне даже валерьянку. Мне как, пора на выход?

Альтравита опять шлепнул своим «котлетками» по столешнице, которая была настолько гладкой, что даже раздался чмокающий звук.

– Конечно нет, у нас еще все впереди.

Да он гурман, любит поиздеваться.

– Интересно, что? Лоботомия?

Доктор поиграл пухлыми губами под чем-то напоминающим усы.

– Я сказал, что шансов вылечиться у вас с таким прошлым нет. Есть, конечно, средства, которые приглушают симптоматику, но они обладают пагубным эффектом привыкания. Чтобы поддерживать прежнее воздействие на психику, надо все время увеличивать дозу. И это завершается весьма печально. Передоз – и печень накрылась, когда еще новую отклоняют и неизвестно хватит ли денег, а тут уже сердечко лопнуло. Финита ля комедия. Оплата кремации за счет продажи внутренних органов – тех, что получше.

К чему-то он все-таки подводит? Нельзя ли ускорить этот томительный процесс?

– Я так понял, что пилюли не помогают. И я слышал, господин доктор, что прошлое невозможно изменить даже в цирке. Да и нужно ли? Какой толк внушать человеку, что у него прекрасное прошлое, если у него дерьмовое настоящее.

Альтравита энергично помотал головой:

– Насчет невозможности изменения прошлого вы сильно ошибаетесь, господин пациент. Психиатрия действительно долгое время напоминала цирк, но сейчас это одна из естественных наук. Если прошлое вам не нравится, то мы просто влезем в него и исправим. Поменяем его на другое, хотя бы в вашей памяти. Со временем вы привыкнете к нему, и оно станет вашим.

Доктор сейчас не улыбался. Хотя это еще ничего не означало – может быть, пациент проходит изошренный психологический тест.

– Вы мне что, пересадку мозга предлагаете? – Лауниц поднялся с кресла. – Я, конечно, блин, облажался по-полной. Но на роль подопытного кролика не претендую.

Вскочил и Альтравита, как будто собрался перегородить путь к двери. Заговорил горячо и страстно:

– Бойтесь экспериментов? Да вы посмотрите в окно, Лауниц. Разве вы не видите решеток вольера? Не замечаете доброе лицо экспериментатора размером с полнебосвода? Мы все тут подопытные мышки. И раз вы здесь оказались, вы тоже мышка. В Хармонт так просто не попадают. Это только кажется, что все добровольно. Вот и рабочий-кули вербовался на плантацию в малярных джунглях якобы добровольно, на самом же деле – чтобы не сдохнуть с голода. Перед тем заботливые дяди в пробковых шлемах сделали все для того, чтобы он вместе со своей семейкой начал подыхать с голода.

«А крепыш-то прав, – неожиданно подумал Лауниц, – хоть и артист». Просто так и совершенно случайно в Хармонте не оказываются. Так же как и в кабинете доктора Альтравита. И все тот же «богатый» выбор, как у кули – между сдохнуть по-быстрому в канаве или еще немного пожить. Лауниц снова сел в кресло.

– И где поднос с инструментами, не вижу щипцов? Мозги-то через нос будете вытаскивать как древние египтяне или через зад, как нынче принято?

– Я понимаю ваше нетерпение, но все по порядку. Это не заполнение вашего прошлого чужими воспоминаниями, но, скорее, изменение вашего прошлого опыта за счет внедрения нужных навыков, рефлексов, сконцентрированного, так сказать, мастерства, что в итоге выработает у вас правильное отношение к жизни в настоящем. А все дурное в вашем прошлом, что вас травмирует, обездвиживает, деморализует, станет как бы чужим для вас – плюнуть да забыть.

Лицо у доктора сделалось как у фокусника-иллюзиониста, сейчас-де удивлю – не цирк, но близко – и тут открылась дверь-диафрагма в соседнее помещение. На фоне аскетично-антикварной обстановки кабинета оно казалось какой-то дискотекой. Здесь обнаружилась и первая медсестра, хорошенькая азиатка с леденцовым ротиком, похожая на «долли» из соседнего магазина.

– Пойдите, пойдите, доктор. Тут затевается что-то капиталоемкое, а у меня даже страховки нет, ни провинциальной, ни частной.

– А вот об этом не надо волноваться. Половина того, что еще дышит и движется в Хармонте, держится на пожертвованиях и благотворительных акциях, начиная с завоза просроченных продуктов и заканчивая раздачей бесплатных презервативов. Так что устраивайтесь поудобнее.

«Хорошо здесь», – подумал Лауниц двадцать минут спустя. Операционный стол оказался чем-то мягким, словно бы состоящим из ласковых объятий. Ненавязчивая, но расслабляющая музыка, дзен-картинки на потолочном стереоэкране: все вытекает из пустоты и все в пустоту возвращается. Азиаточка, помахивая своим маленьким, но эффективным бюстиком и чуток оттопырив губки, со всем старанием размещала датчики на груди и голове Лауница.

Поймав его взгляд, она хихикнула:

– Вы так смешно говорите по телефону, господин Лауниц.

Оказывается, это была не роботесса. Но ничего, вроде не обиделась. Может, пригласить ее куда-нибудь? Или что, она все время так хихикать будет? Услужливое воображение с готовностью нарисовало Лауницу, как азиаточка проводит ему интимный массаж, трудясь всеми частями тела.